

4. И СНОВА О РОЛИ ЛИЧНОСТИ И НАРОДНЫХ МАСС В ИСТОРИИ

Революция – явление жажды жизни человека. Явление его любви к ней. Ненависть – душа революции.

А. Платонов

По телевизору похожий на белого пуделя либерал собрал вокруг себя разных историков и политологов и поставил перед ними один вопрос: как получилось, что большевики – партия весьма слабая, как он заметил, – смели все, что было в России за несколько дней? «Слабая партия» смела все, что было в России за несколько дней?! «Пуделю» и невдомек, что всякая политическая партия сильна силой той народной массы, интересы которой она представляет и выражает. И пошло обычное либерально-интеллигентское обсуждение. Столыпину не дали провести реформы, говорит один. Милоков требовал невозможного, всеобщей и поголовной частной собственности. Кривошеин не вовремя затеял реформу государственного управления... Но во всем этом раскладе не было в общем только одного, главного причем, действующего лица – народа. Не было ни классов, ни сословий, ни крестьян, страдавших от малоземелья, ни рабочих, трудившихся на фабриках и заводах, интеллигенции, которую, как выразился Достоевский, рефлексия заела... А есть только царь с полоумной царицей, Распутин, Кривошеин, Милоков... А ответ-то на этот вопрос простой: люди не захотели жить по-старому. Низы не хотят жить по-старому, а верхи не могут управлять по-новому... Учили же вас когда-то...

Вот и другой завсегдагатай телевизионных каналов, Л. Млечин, по случаю юбилея Февраля стал до небес восхвалять думских деятелей, Львова, Гучкова, Родзянку... Уж такие они умницы были, такие образованные, такие благородные и так хотели послужить России, только вот... не знали, что им делать. Правда, в семье не без уroda. Вот и здесь нашелся «урод», Павел Васильевич Милоков, который ругал царицу за то, что она своим соотечественникам вагонами отправляла хлеб и сахар. Но тут не выдержал даже ведущий: ну, а что там народ... И наш «историк» даже растерялся и смог выдать из себя только какую-то невнятицу, что-то вроде того, что народ делал то, что от него требовалось... Кем требовалось, что требовалось...

«Ни одна революция, – говорил Маркс, – не может быть совершена партией, она *совершается только народом*»*. Революцию, писал Ленин, нельзя «сделать», «революции *вырастают* из объективно назревших кризисов и переломов истории»**. Ленин не был авантюристом, желающим немедленно получить власть. И основным программным лозунгом, который он выдвигал после своего прибытия в революционный Петроград, было завоевание большинства народа на свою сторону. И только тогда, когда большинство в Советах получили большевики, был взят курс на вооруженное восстание и взятие власти Советами. «Если нет у революционной партии большинства, – писал в этой связи Ленин, – в передовых отрядах революционных классов и в стране, то не может быть речи о восстании»***.

В свое время Вольтер выдвинул идею объективной истории, которую он назвал «философия истории». «Когда я писал историю Людовика XIV, – характеризует свой метод Вольтер, – я старался не вникать больше чем нужно в тайны его кабинета. Я рассматриваю великие события этого царствования как положительные явления и описываю их, не восходя к первому основанию. Первопричина не существует для физика, так же как начало интриги не существует для историка. Изображать нравы людей, изображать историю искусств – вот моя единственная цель. Я, безусловно, сумею сказать правду, пока речь идет о Декарте, Корнеле, Пуссене, Жирардоне, о всех предприятиях, полезных людям, но я встал бы на путь лжи, если бы захотел передать разговоры Людовика XIV с мадам Ментенон».

История не делается в кабинетах и будуарах. Она делается на полях сражений и на полях, на которых выращивают хлеб. Она делается учеными и художниками. И развитию промышленности, ремесла, сельского хозяйства Вольтер придает гораздо большее значение, чем разговорам Людовика XIV с мадам де Ментенон. А наши «историки»-политиканы всю историю Октябрьской революции сводят к дворцовым интригам и психологии царя, царицы, авантюристов Распутина и Бадмаева. Народ – субъект истории, что бы там ни говорилось и какие бы интриги ни плелись во дворце и на квартире Распутина. Это только отражение того общего загнивания и упадка всей системы, которые выразились в развале армии, промышленности, транспорта главным образом. А «историки» говорят и пишут о победоносной русской армии, у которой в 1917 г. «украли победу». Кто украл? – Намек на злокозненных «большевиков»,

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 45. С. 475.

** Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 246.

*** Там же. Т. 34. С. 337.

как будто это «большевики» привели в негодность конский состав, из-за чего армия при отступлении не могла вывезти орудия, которые доставались немцам. Армия отказалась от царя, и это решило вопрос о власти, и в Феврале и в Октябре: армия перешла на сторону народа. Она и была самим народом, получившим в руки оружие. И власти, затеяв империалистическую войну и вооружив для этого народ, сами подвели под себя мину замедленного действия. В 1917 г. армия воевать уже не хотела и не могла. Про нее, как пишет Ленин, «небольшевик офицер Дубасов официально от имени фронта заявил, что «она воевать не будет», эта армия станет спокойно голодать и мерзнуть до «назначенного» числа»*. А нынешняя либеральная интеллигенция проклинает за это свой народ, обзывая его разнузданной толпой, «гегемоном», чуть ли не быдлом. И ужасно переживают за царя. Царя им жалко. А людей, которых по приказанию царя расстреливали на Дворцовой площади 9 января 1905 г., 150 душ загублено за что? – им не жалко. За то, что хотели попросить хлеба у царя. Так кого жалеть надо?

И еще одна передача, в которой обсуждается только одна сторона – власть, а другой стороны, несчастного народа, как бы и нет. И один из участников обсуждения, Черный Мурза, предложил популяризировать замечательных думских деятелей, Львова, Гучкова и др. А российского народа на исторической арене вовсе нет.

«Нет большего хамства, чем презрение к народу. Народ и толпа – не одно и то же. Народы создают великое сплочение революции, тогда как толпа, руководимая демагогами, его разлагает и губит. Движения, подобные фашизму, превращают народ в толпу; движения, подобные Октябрьской революции, поднимают толпу до уровня народа»**.

Либералы пытаются изобразить народ в революции как разнузданную толпу, которая мародерствовала и заплевывала улицы Петрограда семечками. Но посмотрите документальные кадры того времени. И там не толпа, а организованные колонны полков и частей, расквартированных в столице. А бандитизм в городе, как известно, был спровоцирован Временным правительством, которое открыло двери тюрем настежь и выпустило не только политических, но и уголовных преступников. И когда придет время Октября, то взятие власти будет настолько четко организовано, что пройдет почти бескровно и без эксцессов.

* Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 339.

** Лифшиц М. Нравственное значение Октябрьской революции // От Великого Октября к советскому социализму: Взгляд 100 лет спустя. М., 2017. С. 146.

«Над народом не надо смеяться, – писал Андрей Платонов, – даже когда он по-язычески верит в свою богородицу»*. Понятно, что народ не всегда приятен во всех отношениях. И Платонов в «Чевенгуре» дал целую галерею чевенгурских придурков из самых низов. Но он скорее жалеет их, чем презирает. И самую правдивую характеристику рабочего человека он дал в своей ранней статье «Герои труда. Кузнец, слесарь и литейщик». «Те люди, о которых я буду говорить, люди старые, даже религиозные, глубоко привязанные ко всему русскому, к старым пережиткам, почти темные, но с прекрасными дальнозоркими глазами, светлыми головами и сердцами революционеров, хотя и никогда они не ораторствовали. Они революционеры особенные, вроде Ленина, который любит русскую старину и славянские письма; склонны к тихой думе, покою и ужину, склонны ко всем вещам, какие есть на свете, одарены твердой, неутомляющейся любовью, и эта любовь у них становится в повседневной жизни волей к благу и счастью. Эта же любовь ко всему и к каждому... эта любовь держит их у станков голодными и раздетыми и все-таки сквозь шепот и ненависть заставляет их надеяться на успех нашей революции и работать на нее день за днем»**.

И это мой дед, Мареев Сергей Афанасьевич, московский мастеровой, отданный мальчиком в ученики столяра, который любил отмечать и советские и церковные праздники, но без всякого фанатизма, а как предлог погулять. В особенности это Пасха. Бабка пекла куличи, а дед инкрустировал их крашеными яйцами, украшал бумажными цветами, а в церковь освящать это шла уже бабка. В саму церковь дед, сколько я помню, вообще не заходил, но был звонарем-любителем и прекрасно звонил в колокола. Дед много выпивал, как все русские мастеровые люди, но дело свое знал превосходно. И все жители села обращались к нему, когда надо было изготовить грабли или наладить косу. А когда надо было кого-то хоронить, то гроб заказывали деду. И тот делал замечательные гробы. Сам ложился, чтобы убедиться, что покойничку будет удобно. Украшал узором по трафарету и сдавал заказчику. И получал столько, сколько хватало на четвертинку водки и на двести граммов хамсы. Это называлось «сто голов»; теперь этого даже кошкам не покупают. И Фанасича уважали и любили все. «Мастер в человеке, – как верно пишет Платонов, – есть необходимое условие уважения к нему всех остальных людей. Будь он разбойник, но раз он еще и мастер – конечно, все равно его любят»***.

* Красный Платонов: Сб. ст. А. Платонова. М., 2016. С. 258.

** Там же. С. 137 – 138.

*** Там же. С.145 – 146.

Дед, между прочим, участвовал в строительстве первого, еще деревянного, Мавзолея Ленина. А в избе у нас висел его портрет. Только не парадный, напоказ. А тот, где Ленин читает газету в своей кремлевской квартире. И он любил именно эту фотографию: у деда был совершенно определенный вкус, который, наверное, и мне перешелся. Да и все, что есть во мне хорошего, если такое вообще есть, от него, от деда.

И как же резануло меня, когда одна певичка с ртом до ушей вдруг с ненавистью заговорила о «гегемоне», который якобы не любил романа. Во-первых, «гегемон» вовсе не обязан любить то, что любите вы. Во-вторых, откуда вы взяли, что в городских низах не любили русского романа, – он там, собственно, и зародился. Но поразительна эта интеллигентская ненависть к простому народу. Это ужасно гнусно и противно. И как могло бы меня порадовать нечаянное заявление нашего президента на одной его встрече с народом, что он родом из народа, и про своего отца, который считал копейки, и про свой собственный комплекс бедного человека, что он, уходя, всегда гасит свет. А еще раньше как-то он окоротил Жирика, который наезжал на «простых», что им не надо позволять размножаться, заявив, что его отец был простой работяга. Но вот, чтобы я особенно не радовался, он тут же – к чему бы это – начал говорить про Столыпина, которому он поставил памятник возле дома правительства. Но это ведь памятник как раз убийце этого самого «простого народа»! И про «галстуки» столыпинские он знает, и про столыпинские вагоны: сорок людей, восемь лошадей. Так как же можно одной рукой давать, а другой назад брать? Ведь это какое-то двурушничество...

Народ рассматривается либеральной «элитой» в лучшем случае как *призераемый*. Но это русское слово то же самое, что и *презираемый*. В России существовали дома общественного призрения. И туда поселяли всяких убогих людей, чтобы они, как говорится, не мозолили глаза чистой публике. Об этом прекрасно писал замечательный русский демократ М.Е. Салтыков-Щедрин. «...Не надо упускать из вида, что культурному человеку, взлелеянному на лоне эстетических преданий, всегда присуща некоторая гадливость. Понять нужду, объяснить себе происхождение лохмотьев и бескормицы не особенно трудно, но очень трудно возвыситься до той сердечной боли, которая заставляет отождествиться с мирской нуждой и нести на себе грехи мира сего. Тут и художественные инстинкты, столь могущественные в других случаях, не помогают. Или, вернее сказать, помогают наоборот, то есть вселяют инстинктивный страх и непреодолимое желание избежать зрелища нищеты. Обыкновенно это последнее желание формулируется более или менее прилично: всем, дескать, не поможешь и всей массы бедности не устранишь!

Но понятно, что это – только отговорка, на которую возможен один ответ: пробуй, делай, что можешь, или уйди, не блазни, не подавай камня там, где нужен хлеб»*.

Если один мужик двух генералов прокормил, то неужели два генерала не могут прокормить одного мужика? Но тут не благотворительность нужна, а нужен народ, организованный в государство, чтобы не кланчить хлеб у богатых, а чтобы взять его у богатых и накормить голодных. «Долой благотворительность голодным, – писал А. Платонов. – Да здравствует законодательство, сознание и беспощадность к сытым»**.

Благотворительность – это способ успокоить нечистую совесть. Как говаривали люди, вроде дедушки Данилы Прохорова, который в молодости с кистенем на большой дороге промышлял, в молодости много бито-граблено, в старости надо Бога молить. Вот и наши нынешние прохоровы замаливают свои грехи девяностых годов, которые использовали гораздо более «цивилизованные» способы отъема денег у граждан, чем архаичный кистень. Но результат тот же самый: опять же бедные и опять же богатые. А благотворительность теперь называется социальный бизнес, когда народу в той или иной форме возвращается часть того, что у него было отнято, – этакий «трансфер».

Народ должен рассматриваться не как презируемый и призераемый, а как борющийся за свои права. А вся современная либеральная пропаганда этого никак не хочет. И как они сокрушаются по поводу того, что царь оплошал и вовремя не вызвал верные ему войска с фронта, чтобы навести «порядок» в Петрограде. И им нисколько не жалко тех людей, которых царь пострелял бы, как не жалко и тех 150 человек, которых царь угробил 9 января 1905 г. Как заявила одна либеральная прокурорша, царь всего лишь «навел порядок» – расстрелял мирную демонстрацию. И чего же вы хотите после этого от народа.

И великая правда искусства и литературы в том, что народ в ней выступает как самостоятельный субъект истории. «Если многие прозаики 20-х годов, – писал Владимир Васильев, – да и некоторые теперешние, понимали историю в лице масс как сырой материал для лепки всякого рода «жизненных» фигур – все эти пролеткульты, ЛЕФы, конструктивисты и прочие, то М. Шолохов и А. Платонов увидели в революции полное и свободное самовыражение народа и его представлений о счастье. В «Тихом Доне» и повести «Сокровенный человек» есть и комиссары, и белая гвардия, но это обстоятельство не мешает ни Григорию Ме-

*. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 10 т. М., 1988. Т. 6. С. 318.

** Красный Платонов. С. 236.

лехову, ни Фоме Пухову думать и поступать бескорыстно и «по своей воле»*.

Величие «Тихого Дона» в том и состоит, что народ, казачество, сам принимает решение, за кого и за что ему бороться. И даже тогда, когда идеологи и власти подсказывают народу цель и смысл его борьбы, он все равно принимает решение самостоятельно, хотя, понятно, может и ошибаться. Один интеллигент сказал, что все бедствия нашего народа от того, что он не слушал интеллигенцию. Да что бы с ним было, если бы он ее послушал... Вот послушали «интеллигента» Чубайса и «интеллигента» Ельцина и... попали в капкан. Хотя послушал их опять же не народ заводов и фабрик, сел и деревень, а та же московская и ленинградская интеллигенция, которая жаждала свободы самовыражения, а получила такое «выражение», от которого она сама теперь не знает, как спасти своих детей. А ниловой народ не принял в событиях 91 – 93 гг. почти никакого активного участия, потому что ему не нравились ни те, ни эти. А вот в 1917 г. народ не безмолвствовал.

Но то, что историю делают не Бог, не царь и не герой, это понимали не только марксисты-большевики. Это, скажем, понимал, Л.Н. Толстой. Может быть, он принизил несколько роль великого русского полководца М.И. Кутузова. Но его мудрость, как полагал Толстой, состояла в том, что он позволял событиям развиваться по их собственной логике и понимал, что война против Наполеона – это война *народная, отечественная*. Либеральные писатели, вроде Николая Бердяева, уличали Толстого в «народолюбии». Почему любить свой народ – это «грех», никто, в том числе и Бердяев, не объяснил. Но расхождение между демократией и либерализмом проходит именно по этой линии, по отношению к низовому народу. Толстой был демократом, мужицким демократом. Он не был революционером, потому что был против всякого насилия. В его романе «Воскресение» Катюша Маслова именно у революционеров находит приют и человеческое отношение. И в этом сказался не только великий демократ, но и великий художник, который не мог поступить правдой жизни. А правда жизни крайне диалектична, крайне противоречива.

Теперь правящая «элита» призывает нас к единению. Она получила свое, и теперь это все надо как-то легитимировать. Правители всех времен и народов всегда призывали к этому свой народ: они хотят, чтобы народ был един и... стоял горой за них. А расколола наш российский народ, заявляют наши правители, Октябрьская революция. Давайте, говорят они, забудем старые обиды и все дружно встанем за Святую Русь... И нынешний патриарх Кирилл тоже при-

* Васильев В. Андрей Платонов. М., 1990. С. 109.

зывает народ к примирению, но в то же время в своих проповедях иезуитски клянет все советское, т. е. и меня, потому что моя родина – Советская Россия, а не Россия Романовых и Россия Ельцина и Гайдара.

Либеральные идеологи, которые прославляют замечательные личности бездарного царя, князя Львова, Рябушинского и т.д., забывая о несчастном народе, точно так же преувеличивают значение в истории такой личности, как В.И. Ленин. Его наделяют буквально демонической силой: приехал в «запломбированном вагоне» и взял власть в свои руки, – пришел, увидел, победил. Это, конечно, обычная пропагандистская чепуха. Но это не значит, что личность Ленина не имела никакого значения. Значение выдающейся личности, великой личности в истории состоит, как это понимал уже Гегель, в том, что эта личность угадывает направление движения Мирового Духа. А по-марксистски это значит, что человек схватывает основные противоречия эпохи и понимает пути их разрешения, он понимает потребности народа, умеет их выразить и дать народу лозунг и направление его действий. И народ должен быть для этого готов. Должна сложиться *революционная ситуация*: низы не хотят жить по-старому, верхи не могут управлять по-новому. И это верно и для Февраля, и для Октября. И Ленин «победил» в октябре 17-го года, хотя прибыл в Петроград еще в апреле того же года.

Говорят большевики распропагандировали народ вопреки его собственным потребностям. Но выдающимся «пропагандистом» был и Керенский, и в его руках был государственный пропагандистский аппарат, а народ за ним не пошел, народ от него отвернулся так же, как и от царя. И у них никакого другого выхода не было, как уйти. И они ушли, их «ушли». Так решила *история*, так решил *народ*. Но решение подсказали большевики во главе с Лениным.

Можно проклинать судьбу, можно проклинать нашу несчастную историю, как это делал Петр Чаадаев. Можно проклинать даже большевиков. Но нельзя проклинать свой народ, который в 17-м году пошел почему-то за большевиками. Почему? – Вот это и надо понять. Задача мудрого, как учили нас древние греки, не плакать и не смеяться, а понимать.

Но чтобы объединиться, говорил один умный человек, надо сначала размежеваться. Это раньше у нас было два дружественных класса, рабочий класс, колхозное крестьянство и еще «прослойка» – советская интеллигенция. А вот теперь эта самая интеллигенция не хочет быть «прослойкой», она явно хочет быть «элитой» и иметь соответствующий ее статусу уровень жизни. Как живут самые нищенские 20% нашего несчастного общества, их мало волнует. И они уже не ставят, как Станиславский и Немирович-Данченко пьесу Горького «На дне», а все ломают какую-то комедь непонятную... А по-

гом жалуются Путину, что приходят в театр какие-то православные люди и учиняют погром. И это две стороны одной и той же медали – нашей явно загнивающей культуры.

Конечно, как говорят, худой мир лучше хорошей ссоры. Но чтобы мириться и объединяться, надо, как минимум, сказать правду. А какая же в том правда, что Октябрьская революция расколола общество? Было как раз с точностью до наоборот. Общество сначала раскололось, а уже потом случилась революция. И раскололось оно не после Октября и даже не после Февраля. А еще раньше 1905 г. Можно и дальше продолжать. Но ходить так далеко нет нужды. И не только революция – следствие раскола общества, но и контрреволюция. И 1991-й, и побоище в Москве 1993 г. тоже следствия раскола. И уж если говорить об единении, то надо говорить об единении уже после раскола 1993 г. А вы, господа хорошие, об этом тихо помалкиваете, как будто и ничего не случилось в нашем благословенном обществе. Сначала народ ограбили, а теперь говорят: дай мириться.

И расстройство экономики тоже приписывают Октябрю. А здесь все наоборот. Зависимость здесь опять-таки обратная: революция явилась следствием расстройства экономики и государственного управления. А общее правило таково: от хорошей жизни революции не происходят. И этого никогда и нигде не было.

Высшая точка развития российской экономики до Октябрьской революции – 1913 г. В течение войны промышленное производство, кроме военного и сельского хозяйства, падало и в 1917 г. составляло 64, 5%. Средняя зарплата упала до 53, 9 %. Производство вооружений росло до 1916 г. Но в 1917 г. и оно упало. А зарплата и в военной отрасли упала до 74, 8 %.

С сельским хозяйством дело обстояло несколько иначе. В целом оно не падало, но крестьяне стали придерживать продукты для собственного потребления. Продуктовый рынок сужался. «Однако, – как пишет Р.А. Белоусов, – в 1917 году общая экономическая конъюнктура круто ухудшилась по всем параметрам. Как показало будущее, начавшийся спад удалось остановить только в 1921 – 1922 годах»*.

В 1922 г. начинается восстановление промышленности. И в 1927 г. был восстановлен уровень 1913 г. То есть если брать от 22-го года, то всего за пять лет. Это сделали большевики. А либералы за 28 лет после прихода к власти ничего подобного не смогли сделать, и «заграница» им не помогла. Но число олигархов, генералов и академиков росло по экспоненте.

* Белоусов Р.А. Экономическая история России: XX век. М., 1999. Кн. 1. С. 331.

В общем это достаточно известные вещи. Но если извращается очевидное, то за этим очевидно кроются какие-то морально-идеологические соображения. Какие? – Умный поймет. А либеральным идеологам говорить об этом бесполезно: им все божья роса...

Раньше мы говорили, что морально-политическое единство советского народа явилось одним из условий Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. И это после всех конфискации, раскулачиваний и посадок. И говорят, было два события в XX в., когда население Советского Союза было единым народом, – это когда после Победы 9 мая весь народ вышел на улицы Москвы и других городов и праздновал Победу, а еще когда Гагарин полетел в космос, – никто никого не выгонял, не призывал, а люди сами все вышли и торжествовали. Потом были, правда, еще целина, БАМ, но это был уже ответ на призыв партии и комсомола, хотя и здесь был энтузиазм не совсем казенный.

Истинная мудрость состоит в том, чтобы принять то, что есть, понять, что в этом есть исторический разум и смысл. Именно таким мудрецом оказался философ Алексей Федорович Лосев, который остался в Советской России и не уехал ни на каких «философских» пароходах, которого и Беломорканал не сломал и не озлобил. Родину и свой народ надо любить не только тогда, когда они преподносят одни приятности, но когда с тобой поступают и не всегда справедливо. Понятно, что вынести это не каждому под силу. Но тем больше чести тому, кто прошел через все испытания и остался верен себе и своей Родине.

Мы сказали, что не революция разрушила экономику России, ее разрушила война, затеянная царской камарильей. Для сравнения: уже к 1943 г. советская промышленность нарастила производство вооружений и по выпуску основных его видов мы догнали Германию. Царская Россия за все годы войны здесь только отставала и практически проиграла войну. И когда нам говорят теперь про высокий моральный и боевой дух русского воинства, то он поначалу был, но быстро выветрился, когда солдатики поняли, что их интереса в этой войне никакого нет. А те фронтовики, которым случалось бывать в Петрограде, могли видеть через витринные стекла ресторанов и всяческих борделей, как гуляет буржуазия. И солдатики, сидя в сырых окопах, проклинали царицу-немку и неграмотного Распутина, который смещал и назначал царских министров.

Вот как описывает «высокий» моральный дух столичного общества в годы перед войной – это время с 1908 по 1912 г. – Корней Чуковский.

«Обычно, – пишет Чуковский, – вспоминая об этом, говорят о правительственном терроре, о стольпинских виселицах, о разгале черной сотни и т.д. Все это так. Но к этому нужно прибавить

страшную болезнь вроде чумы или оспы, которой заболели тогда тысячи русских людей. Болезнь называлась: опошление, загнивание души, ибо наряду с политической реакцией свирепствовала в ту пору психическая; она отравила умы и чудовищно искалечила нравы. Тяжелее всего поразила она так называемых «культурных людей» – тех самых, кого в девятьсот пятом году взметнуло вверх революционной волной, а теперь бросило в глубь обывательщины – к «мелким помыслам, мелким страстям». Никогда еще обширные слои интеллигенции не были так оторваны от народных интересов и нужд:

Отбой, Отбой!
Окончен бой! –

На все лады повторяли они про революцию девятьсот пятого года»*.

И еще одно свидетельство современника. Это и современник и очевидец того, что она собой представляла, эта «культура», автор «Хождения по мукам» – Алексей Толстой: «Петербург жил бурливо-холодной, пресыщенной, полуночной жизнью... В последнее десятилетие с невероятной быстротой создавались грандиозные предприятия. Возникали, как из воздуха, миллионные состояния. Из хрусталя и цемента строились банки, мюзик-холлы, скетинги, великолепные кабаки, где люди оглушались музыкой, отражением зеркал, полуобнаженными женщинами, светом, шампанским. Спешно открывались игорные клубы, дома свиданий, театры, кинематографы, лунные парки. Инженеры и капиталисты работали над проектом постройки новой, невиданной еще роскоши столицы, неподалеку от Петербурга, на необитаемом острове.

В городе была эпидемия самоубийств. Залы суда наполнялись толпами истерических женщин, жадно внимающих кровавым и возбуждающим процессам. Все было доступно – роскошь и женщины. Разврат проникал всюду, им был, как заразой, поражен дворец... Дух разрушения был во всем, пропитывал смертельным ядом и грандиозные биржевые махинации знаменитого Сашки Сакельмана, и мрачную злобу рабочего на сталелитейном заводе, и вывихнутые мечты модной поэтессы, сидящей в пятом часу утра в артистическом подвале «Красные бубенцы», – и даже те, кому нужно было бороться с этим разрушением, сами того не понимая, делали все, чтобы усилить его и обострить.

То было время, когда любовь, чувства и добрые, и здоровые считались пошлостью и пережитком; никто не любил, но все жаждали

* Чуковский К. Современники: Портреты и этюды. М., 1962. С. 386.

и, как отравленные, припадали ко всему острому, раздирающему внутренности.

Девушки скрывали свою невинность, супруги – верность. Разрушение считалось хорошим вкусом, неврастения – признаком утонченности. Этому учили модные писатели, возникавшие в один сезон из небытия. Люди выдумывали себе пороки и извращения, лишь бы не прослыть пресными. Таков был Петербург в 1914 году».

Знакомая картинка! И чем Сашка Сакельман не Березовский? Но Корней Чуковский и Алексей Толстой – это писатели, перешедшие на сторону Советской власти. И это, понятно, может вызывать недоверие к их словам. Но вот что писала еще в 1916 г. Зинаида Гиппиус, ненавидевшая и Советскую власть и Алексея Толстого, которого она считала, – возможно, не без основания, – циником и прохиндеем. «Поражения на войне... Царь по настоянию Распутина и царицы делается главнокомандующим и каждую минуту из ставки мчится в Царское, к Распутину... Еще бы Распутину не настаивать на отставке первого главнокомандующего, Вел. Кн. Николая Николаевича, когда тот на запрос Григория, не может ли он приехать в ставку, ответил кратко: «Приезжай, повешу». Зима 15 /16-го года «впятеро тяжелее и дороже прошлой». Но интеллигенция как-то осела, примолкла, точно правительство и впрямь достигло желанного «успокоения». Но в воздухе чувствовалась особенная тяжесть, какая-то «чреватость»*.

Конечно, когда царица и Распутин «назначают» царя главнокомандующим, то есть от чего прийти в отчаяние. Царя, которого больше беспокоили не дела на фронте, а то, что дети заболели кохлю, и жена дома скучает без него...

И Временное правительство не смогло консолидировать общество и поднять боевой дух русской армии. И вот как об этом писал последний поэт русской деревни Сергей Есенин:

Свобода взметнулась неистово,
И в розово-смердном огне
В стране в это время калифствовал
Керенский на белом коне.
Война до конца, до победы,
И снова сермяжную рать
Прохвосты и дармоеды
Сгоняют на фронт умирать.

* *Мережковский Д.С.* 14 декабря. *Гиппиус-Мережковская З.Н.* Дмитрий Мережковский. Роман. Воспоминания. М., 1990. С. 453.

Но я не взял свою шпагу.
Под грохот и рев мортир
Другую явил я отвагу,
Был первый в стране дезертир.

Кстати в начале войны совсем еще юный Сережа, как и многие русские люди, испытал патриотический угар, замешанный, может быть, и на желании что-нибудь добыть на этой самой войне:

Ой, мне дома не сидится,
Размахнуться б на войне.
Полечу я быстрой птицей
На саврасом скакуне.

Не ревите, мать и тетка,
Слезы сушат удальца.
Подарила мне красotka
Два серебряных кольца.

Эх, достану я ей пикой
Душегрейку на меху.
Пусть от радости великой
Ходит ночью к жениху.

Но мечта о душегрейке на меху, которую Сережа хотел содрать с какой-нибудь немки, быстро развеялась, и теперь он мечтал как-нибудь удрать с этой войны. Сам Сережа никаким дезертиром не был, и на фронте он не был. Он удачно как-то пристроился при саптарном поезде. Но если бы он и был дезертиром, то не первым и не последним. Дезертирство было массовым. Так что в феврале 18-го года фронт оказался открыт на Петроград. И только Красная гвардия и наскоро сформированные из добровольцев, из остатков бегущих с фронта полков части смогли остановить немцев под Исковом и Нарвой. Это стало днем рождения Красной армии, но этот праздник нынешние правители у народа отняли. И это, видите ли, чтобы не было разделения в народе. А кто из народа что-то имел против Красной армии? – И ведь эта армия спасла наш народ от гитлеровского порабощения и освободила Европу от коричневой чумы. Но вот это, вроде бы, и либералы, стиснув зубы, признали. Но то, что Красная армия рождена революцией, об этом молчок. И день ее рождения отменили как государственный праздник. Это какое-то двурушничество.

Либералы и Победу советского народа в Великой Отечественной войне сначала не признавали и считали, что лучше бы Гитлер победил: сейчас пили бы замечательное баварское пиво. Но это уже

слишком подло и гнусно. И теперь наоборот: либералы обвиняют Советскую власть в том, что та недостаточно прославляла нашу Победу. Антисоветизм и антикоммунизм сейчас – это основное оружие либеральной пропаганды. В нее активно включился и главный антикоммунист РПЦ, который совершенно не по-христиански поносит советский народ за то, что многие представители духовенства были репрессированы в свое время. И это понятно, потому что это единственный способ доказать, что нынешняя грабительская система лучше советского строя. Но вот загвоздка: в Великой Отечественной войне победил тот же народ, который победил в Гражданской войне. И в Красной Армии было мало таких, которые считали, что в Гражданской войне мы зря победили.

Бисмарк в свое время сказал, что в битве при Садовой победил немецкий учитель. В битве под Сталинградом тоже победил советский учитель. Победили молодые лейтенанты, вчерашние школьники, воспитанные на славных революционных традициях русского и советского народа. А в значительной части это были те же люди, которые сражались с Деникиным, Колчаком и Врангелем. И даже полководцы те же самые, – Жуков, Рокоссовский, Конев и др., герои и участники Гражданской войны. Это тот же народ. Русский, потом советский. И как можно разделить этот народ на тот, который сверг царя, а потом опрокинул Врангеля в Черное море, и на тот народ, который победил в Великой Отечественной войне. Это бессовестная ложь и либеральная пропаганда. И никакой исторической правды в этом нет ни грана.

Каждый год французы празднуют 14 июля – день взятия Бастилии. И эту дату отмечает все прогрессивное человечество. Философ Гегель, которого считают идеологом королевско-прусской монархии, отмечал этот день бокалом любимого белого вина и называл Французскую революцию Великолепным восходом Солнца. И, несмотря на все последующие пертурбации, все символы Великой французской революции: гимн, флаг, орден Почетного легиона остаются символами нынешней уже Пятой Французской республики. И французы гордятся своей историей. Мы же отреклись от всех революционных традиций. Не только от Октября, но и от Февраля. И не только от Февраля, но и от народовольцев, и от Герцена, и от декабристов, которые «разбудили» Герцена. Говорят, не надо было его будить. А что нам от истории тогда остается? Романовы? Достоевский с Победоносцевым? Православие, самодержавие, народность? Но в эти одежды сейчас рядиться так же смешно, как было смешно, когда славянофил Аксаков оделся так по-русски, что москвичи принимали его за персиянина. Вот и сейчас эти «персияне» все изобретают «русскую идею». И Путин замечательно предложил национальную идею: борьба с коррупцией. А я бы предложил им

еще одну национальную идею: у нас нет детей-сирот. И это действительно могло бы сплотить и объединить народ. А ведь с сиротством и нашей стране боролся, и успешно, железный Феликс, памятник которому толпа хулиганов повалила, и ей было наплевать, что это творение Вучетича. И это не только символ Октябрьской революции, но и наше культурное наследие.

Гегель не одобрял террор Французской революции. Понятно, кому понравится изобретение доктора Гийотена? Но вот что он писал о французских идеологах, подготовивших революцию. «Нам легко делать упреки французам, – писал он, – за их нападки на религию и государство; нужно представить себе картину ужасного состояния общества, бедственности, подлости, царивших во Франции, чтобы понять заслугу этих философов»*. И далее картина бедствий и подлости этого общества: «Бесконтрольнейшее господство министров и их девок, жен, камердинеров, так что огромная армия маленьких тиранов и праздношатающихся рассматривала как свое божественное право грабеж доходов государства и пользование потом народа. Бесстыдство, несправедливость достигали невероятных пределов, нравы только соответствовали низости учреждений; мы видим бесправие индивидуумов в гражданском и политическом отношениях, равно как и в области совести, мысли»**.

Та же картина, что и в России. Но французское Просвещение, подготовившее революцию, дало таких гигантов мысли, как Вольтер, Руссо, Дидро, Гельвеций и др., которых человечество знает до сих пор и будет знать на многие века вперед. А наш Серебряный век дал таких философских охранителей, как Бердяев, Булгаков, Ильин и Розанов, кредо которого: «Я не хочу истины, я хочу покоя».

Вот и А. Ципко захотел мещанского покоя. Он бичует секту «хмурых» и «агрессивных» и поет мещанскую песенку: «Величайшее благо, дарованное человеку, – сама по себе жизнь, ее мирное движение от детства к старости со всеми человеческими радостями и заботами – воспринимается левыми радикалами как рутина, обыденность, как нечто недостойное»***.

У Андрея Платонова есть такой персонаж, машинист Пухов. Он прослыл «жестоким человеком», потому что он на гробе своей жены колбасу резал. А почему он резал колбасу на гробе жены – да потому, что в его убогом жилище даже стола не было, на котором можно было бы порезать колбаску и помянуть любимую жену. Так вот, наперное, те «хмурые» и «агрессивные», которых сегодня «бичует» и учит жить антикоммунист Ципко, наверное, не так же счастливы,

* Гегель. Лекции по истории философии. СПб., 1994. Кн. 3. С. 447.

** Там же.

*** Цит. по: Новые «кумиры» и «старые» авторитеты. М., 1990. С.87.

как он, который сделал стремительную карьеру по партийной линии и бесплатно получил московскую квартиру в фешенебельном доме на ул. Димитрова, о чем сообщили «Аргументы и факты» № 37 за 1990 г. Статья называлась «Кто в тереме живет?». Так вот, в «тереме», оказывается, живет не только мышка-норушка, но и бывший консультант ЦК КПСС, ренегат А. Ципко. Об этом я писал в своей критической статье, опубликованной в 1990 г. в сборнике «Новые» кумиры и «старые» авторитеты».

Когда недавно эта книжка попала мне на глаза, я глянул на свою статью и, как Попандопуло в «Свадьбе в Малиновке», воскликнул: так это же весь мой гардеробчик! Все, что в этой статье сказано, я могу повторить и сейчас. Более того, все события за прошедшие 28 лет только подтвердили мою правоту: главный «герой» моего рассказа бил по мешку, а имел в виду осла. «Героя» зовут Ципко. В то время он, сотрудник Отдела пропаганды ЦК КПСС, критиковал «сталинизм» от имени как будто бы подлинной «коммунистической идеи». Но мне уже тогда было ясно, что, как позже подтвердилось, он выполнял директиву своего шефа, руководителя горбачевского агитпропа А.Н. Яковлева: «мочить» Сталина при помощи Ленина, потом Ленина при помощи разного рода «социалистов», а потом «социалистов» при помощи либералов, а либералов... Во всяком случае последний раз, когда я видел и слышал Ципко на телевидении, он «опровергал» коммунизм при помощи русской религиозной философии. Но первым коммунистом был как раз Христос, который говорил, что скорее верблюд пройдет сквозь игольное ушко, чем богатый войдет в Царство Небесное. Первые христианские общины были коммунистическими: все общее. Нашему «христианскому» антикоммунисту мы можем легко показать, что нынешнее православное христианство в России только из конъюнктурных соображений стало антикоммунистическим. И сам Ципко не вдруг стал из «каммуниста» пещерным антикоммунистом: его вела политическая конъюнктура.

Так вот, всё, о чем мечтал юный Ципко, осуществилось. Но почему же он до сих пор не живет спокойненько и на всех возможных площадках кричит с пеной у рта, зачем раскулачили его бабушку и вычистили из органов его мелкобуржуазного перерожденца дедушку. Когда он поступал в комсомол, а потом в партию, он, наверное, в анкете ничего такого про дедушку и бабушку не писал, а писал, наверное, что его дедушка был чекист с холодным умом и горячим сердцем, а бабушка – ударницей-колхозницей. А народ до сих пор недоумевает, почему двадцатимиллионная КПСС в одночасье прекратила свое существование, – она просто переродилась, как переродился дедушка Ципко, а потом сам Ципко из «коммуниста» в пещерного антикоммуниста.

В учении о цивилизациях-культурах Освальда Шпенглера, несмотря на ложную натуралистическую методологию, много правды: всякая цивилизация, достигнув высшей степени зрелости, начинает клониться к закату. Вот и общество «зрелого социализма» у нас, наивное, перезрело и было готово, как перезревшая груша, свалиться и разбиться вдребезги. Но фатализм Шпенглера не оправдался даже относительно Западной Европы, которая, по Шпенглеру, уже с середины XIX в. начала «перезревать». Она, правда, потом свалилась в Первую мировую войну, потом во Вторую, но... не погибла, а претерпела некоторое обновление и пока еще продолжает развиваться. Вот и нам требовалось обновление. Серьезное радикальное, но... здоровых сил прежде всего в партии и ее руководстве для этого не нашлось. Нас поразили упадок духа, двоемыслие, двоедушие, любовь к комфорту, к хрусталикам, мебели и норковым шубам. А кубинцы нашли в себе силы сохранить социалистический идеал, и китайцы нашли, потому что имели мудрых и авторитетных руководителей и не привыкли к комфорту.

Зрелая культура, по Шпенглеру, превращается в «цивилизацию», т.е. во что-то формальное, окостеневшее. В начале XX в. в моду входит дарвинизм – не потому, что это наука, а потому, что из этой науки можно обосновать буржуазный индивидуализм. «Например, – писал А. Платонов, – из дарвинского учения о выживании приспособленных, о непримиримой борьбе за жизнь в животном царстве буржуазная мысль уже делала тот вывод, что борьба личностей, индивидуализм, в человечестве необходимое, даже хорошее явление»*. И в это же время появляется пристальное внимание к проблемам пола. Как писал Саша Черный:

Проклятые вопросы,
Как дым от папиросы,
Рассеялись во мгле.
Пришла проблема пола,
Румяная Фефела... и т.д.

Именно упадок духа, как полагает Платонов, порождает у буржуазии гипертрофию полового чувства: «Пол – душа буржуазии»**. Но именно поэтому люди потеряли настоящую душу. «Найдя благо и половом чувстве, люди окаменели»***. Недаром в 20-е годы в моду входит фрейдизм, который даже новорожденному ребенку приписывает «сексуальность», и что он только об одном и мечтает, как изнасиловать свою мать и убить своего отца.

* Красный Платонов. С.111–112.

** Там же. С. 120.

*** Там же. С. 125.

Буржуазия, как писал Платонов, как бы вся выросла в один орган... Но этот «орган» не может быть органом труда и сопротивления. Человек теряет волю к свободе, к социальной справедливости, к социальному равенству. Человек становится покорным любой власти, лишь бы она не мешала ему потакать своему «основному инстинкту».

Сто лет – срок большой. За это время родились и сошли в могилу не менее трех поколений людей. И если в четвертом колене люди не только часто не знают своих дедов и прадедов, но и живут совсем иначе, то это не значит, что сто лет назад люди жили так же скучно, как нынешние обыватели. И если человек постарел и поглупел, то это не значит, что он никогда не был молодым и веселым.

В заключение хочется сказать следующее. В своем презрении к народу и к марксизму либералы смыкаются, как это ни странно, со своим самым страшным врагом – с фашизмом. Вот что писал по этому поводу Адольф Гитлер в своем единственном «научном» труде «Моя борьба»: «Еврейское учение марксизма отвергает аристократический принцип природы и ставит на место вечной привилегии могущества и силы численность массы, ее мертвый вес». «Марксизм представляется химически-чистой попыткой еврея изгнать из всех областей человеческой жизни преобладающее значение личности и заменить ее численным весом массы». Марксизм действительно отводит решающую роль в истории «численному весу массы», но это не значит, что он тем самым отрицает значение личности.